

УДК 94(47+57)“1952/53”

ББК 63.3(2)631

М64

Миронин, Сигизмунд Сигизмундович.

М64 Абакумов и «Дело врачей-вредителей». Как готовилось убийство Сталина / Сигизмунд Миронин. — Москва : Родина, 2024. — 384 с.

ISBN 978-5-00222-174-5

С момента знаменитого «Дела врачей-вредителей» (1952—1953 годы), которое на Западе назвали последним преступлением Сталина, прошло уже более 70 лет. В своей новой книге Сигизмунд Миронин представляет очередное сенсационное расследование. Он тщательно изучил дело министра госбезопасности СССР Виктора Абакумова (1946—1951 годы) и «Дело врачей-вредителей» и нашел их главных организаторов. Выявилось, что это были звенья одной цепи по приведению «крота» ЦРУ в советском руководстве на вершину власти. Этим «кротом» оказался Николай Булганин, первый заместитель Сталина, человек, который в то время курировал силовые структуры по линии Совмина.

УДК 94(47+57)“1952/53”
ББК 63.3(2)631

ISBN 978-5-00222-174-5

© Миронин С.С., 2023

© ООО «Издательство Родина», 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	6
Глава 1. Устранение конкурентов	14
Глава 2. Устранение Абакумова	43
Глава 3. Устранение приближенных Сталина и профессионалов из МГБ	95
Глава 4. Устранение врачей-профессионалов	122
Глава 5. Нагнетание истерии	156
Глава 6. Кампания антисемитизма	208
Глава 7. Почему Сталин отошел от дел?	250
Заключение	291
Источники использованных фактов	315
Приложение 1. Как Тито поссорился со Сталиным	317
Приложение 2. После Сталина	354

ВВЕДЕНИЕ

В своей первой книге об убийстве Сталина «Как отравили Сталина. Судебно-медицинская экспертиза» я ответил на следующие вопросы. 1. Это было убийство или естественная смерть? — Ответ: Убийство. 2. Каким способом убили Сталина? — Ответ: Отравили. 3. Чем отравили Сталина? — Ответ: Варфарином или дикумаролом. 4. Кто организовал отравление Сталина? — Ответ: ЦРУ с участием Булганина. 5. Почему номенклатура не могла организовать это убийство? — Ответ: Потому что была разрозненна. 6. Кто из тогдашних соратников Сталина замешан в убийстве Сталина? — Ответ: Булганин.

Я провел тщательный анализ истории болезни Сталина, проанализировал состав врачебных комиссий, действия врачей, лечивших Сталина, поведение лидеров СССР. Оказалось, что врачи либо специально лечили Сталина неправильно, либо ими были допущены грубейшие нарушения врачебных инструкций. Сопоставляя этот факт с событиями, развернувшимися в стране в тот период, я выдвинул версию об участии иностранных разведок в организации убийства Сталина — события четко укладываются в схему заговора ЦРУ. Я нашёл основных подозреваемых, в частности Булганина, и снял обвинения с Маленкова, Хрущева и Берия. Многим может показаться, что я обелил Хрущева, сделал из него ангела. На самом деле, нет никакого ангела не получилось. Хрущев есть человек, поддержавший Булганина, а потом вместе с ним убивший Берия, а потом точечными ударами разваливший сталинский способ производства, а потом оболгавший Сталина.

В предложенной мною версии все становится на свои места, исчезают странности в действиях Сталина, который все это время готовил реформу социалистического способа производства, и хотел перетряхнуть высшие эшелоны власти; наоборот, моя версия делает действия всех участников исторической драмы очень логичными. Анализ событий, происходящих вокруг Сталина в 1948-1953 гг., позволил мне вдобавок к странностям в истории болезни найти ещё целый ворох странностей в развитии всех этих событий.

Логика моего поиска была следующей. Начал я с того, что тщательно проанализировали историю болезни Сталина и нашёл массу странностей. Это вызвало подозрение, что Сталина убили, и что врачи помогали убийцам доделывать свое дело во время лечения. Однако принять данную версию мне мешал так называемый общеизвестный факт, что симулировать кровоизлияние в мозг с помощью яда невозможно. Поэтому я стал тщательно анализировать признаки, которые бы указывали на отравление, особенно те из них, которые были необычными, и обратил внимание на два странных обстоятельства, отраженных в истории болезни: 1) сильный лейкоцитоз без сдвига лейкоцитарной формулы влево и 2) был повышен уровень протромбина (это белок, участвующий в свертывании крови: странное повышение, а потом его падение потом в ходе лечения) и это при наличии будто бы большой гематомы в ткани головного мозга (если на самом деле такое кровотечение было). Затем мне удалось раскопать, что те необычные анализы, которые имеются в истории болезни Сталина характерны для отравления антикоагулянтами непрямого действия. В частности варфарином и дикумаролом.

Эти два вещества подобного действия уже были синтезированы в США в 1950-1952 гг. и поэтому могли быть в распоряжении спецслужб наших заклятых друзей, если бы любимые всеми разведчики из числа американского наро-

да вдруг решили (ну конечно, же я ни капли не верю и с гневом отвергаю эти нелепые подозрения по поводу этой высокоморальной спецслужбы США, которая не гнушалась более 500 раз озаботиться подготовкой убийства Ф. Кастро — шутка, С.М.) совершить свой трудовой подвиг путем инсценировки кровоизлияния в мозг Сталина.

Далее. Я не был уверен в патолого-анатомическом диагнозе, основанном на патолого-анатомическом вскрытии, при котором будто бы была найдена огромная гематома в левом полушарии Сталина. При такой огромной гематоме неминуемо должно было бы произойти заклинивание мозга в затылочном отверстии, его ущемление со смертельным исходом. Против такой огромной гематомы говорили и отсутствие крови в спинномозговой жидкости, отсутствие синдрома ДВС, странная топическая диагностика, отсутствие гипертонической болезни, что хорошо было видно при изучении истории болезни, отсутствие характерных для гипертонической болезни морфологических изменений артериальных сосудов. Но если нет гематомы, то как объяснить симптомо-комплекс геми- или тетраплегии (односторонний и двухсторонний паралич) который наблюдался у Сталина. Если нет гематомы, то такой комплекс можно получить если имеется петехиальное (когда кровь вытекает через очень мелкие отверстия в сосуде) кровоизлияние в ствол мозга.

Подобное кровоизлияние нередко возникает при нарушении свертываемости крови и одновременных ушибах мозга. Я подумал, если был использован дикумарол (или варфарин), то для того, чтобы вызвать подобный симптомо-комплекс, надо было за сутки дать высокую дозу дикумарола, а затем чем-нибудь ударить Сталина по шее, лучше, не оставляя синяков. Механизм подобного воздействия заключался в том, чтобы повредить мелкие сосуды ствола мозга. При нарушении свертываемости, даже незначительное повреждение сосудов могло привести к воз-

никновению гематомы. Однако важно было не переусердствовать и не привести к смерти Сталина.

Если в момент получившегося петехиального (путем проникновения клеток крови через мелкие дефекты в стенке сосуда, чаще очень мелкого) кровотечения повысить артериальное давление, то возникновение гематомы было бы ускорено и возник механизм самоподдержания высокого артериального давления за счет наличия кровоизлияния в ткань мозга.

Повысить артериальное давление можно было с помощью инъекции адреналина. Только тогда в результате образования гематомы запускался механизм самоподдержания артериальной гипертонии. Но для того, чтобы умирание выглядело естественным и тянулось достаточно долго, надо было постоянно давать лекарства с незначительной гипертензивной активностью, типа кордиазола, кофеина, камфоры... для того, чтобы процесс разрушения мозга Сталина успешно продолжался.

Если такой сценарий реализовать, то для его осуществления требовались определенные условия. Надо было иметь среди персонала дачи своего человека, который бы в нужный момент дал дикумарол, а потом ударил по шее и ввел адреналин или дал мезатон. Чтобы другой персонал не мешал, надо было Сталина усыпить. Далее требовались врачи, которые бы поддерживали жизнь Сталина, но одновременно не давали бы артериальному давлению нормализоваться. Надо было показать больного Сталина народу.

Кто мог реализовать подобный сценарий? Это кто-то должен был иметь доступ к антикоагулянтам непрямого действия, он должен был отслеживать огромное количество событий. Сначала я подумал, что это могла бы организовать номенклатура, где сложился заговор, как это предположил Мухин. Например, четверка лидеров объединилась и, как и описал Каганович, свергла Сталина. Но потом я эту версию отверг — слишком разные были люди в чет-

верке. Да и не мог Берия это сделать. Ведь его потом убили. Поэтому я стал думать об участии спецслужб. Но спецслужбы могли бы реализовать такой сложный сценарий убийства только при наличии крота среди высшего руководства страны. Такого крота можно было вычислить на основе резкого роста рейтинга. Наиболее подходящим мне показался Булганин.

Мотивы убийства Сталина были очень просты. Бурные темпы роста советской экономики не остались незамеченными на Западе. Уже в начале 50-х гг. Запад стал психовать по этому поводу. И если англичане, например, в основном ограничивались тревожной констатацией факта — «Россия переживает чрезвычайно бурный экономический рост», то янки с присущей им прямолинейностью делали вывод: «Советский экономический вызов реален и опасен». В том же 1953 году американский журнал «Нейшнл бизнес» в статье «Русские догоняют нас...» отмечал, что по темпам роста экономической мощи СССР опережает любую страну. Более того, что темп роста в СССР в 2-3 раза выше, чем в США. Еще более того. Кандидат в президенты США Стивенсон во всеуслышание заявил, что если темпы роста производства в сталинской России сохранятся, то к 1970 году объем русского производства в 3-4 раза превзойдет американский. И если это произойдет, то последствия для западных стран, прежде всего, для США, будут более чем грозными.

В конце второй мировой войны, когда ослабла экономическая мощь Великобритании, упала ценность ее фунта стерлингов и, наоборот, возросла сила Соединенных Штатов, не пострадавших от битв, разжиревших за океаном на чужих бедах, в Бретон-Вуде (июль 1944 года) состоялась конференция финансовых заправил. Воспользовавшись ситуацией, банкиры США добились признания в качестве мировой валюты своего доллара, оттеснив фунт стерлингов на задний план. Таким образом, не золото, не обеспеченный золотом фунт стерлингов, а просто американская

бумажка стала мерилom стоимости. И была создана особая организация для давления доллара на валюты других стран, для их финансового и промышленного закабаления — родился Международный валютный фонд.

Сталин несколько лет присматривался к жиреющему пауку, собирал в своем сейфе документы о деятельности МВФ, поступавшие по разным каналам, главным образом по линии А. А. Андреева. И нанес удар, оказавшийся особенно сильным и болезненным для МВФ, потому что был совершенно неожиданным для зарубежных банкиров. Постановление Совета Министров СССР, подписанное Сталиным, гласило: «Прекратить с 1 марта 1950 года определение курса рубля по отношению к иностранным валютам на базе доллара и перевести на более устойчивую, золотую основу, в соответствии с золотым содержанием рубля». Госбанку СССР поручалось впредь соответственно менять курс рубля в отношении к другим валютам.

Всего несколько абзацев, на которые в нашей стране мало кто обратил внимание, но какой переполох вызвали они за рубежом, как потрясли основы капиталистической экономики! По сути дела, Сталин перекрыл каналы перекачивания золота из государств всего социалистического лагеря в американские банки, подорвал авторитет доллара на мировом рынке. Для нас стоимость доллара сводилась к стоимости бумаги, на которой печаталась ассигнация, плюс краска, само печатание, перевозка, то есть к стоимости производства купюры. А это всего лишь жалкие центы.

Нужно учесть, что столь важная акция по подъему престижа и стоимости рубля была проведена после жесточайшей войны, в которой мы понесли огромные экономические утраты. На голом месте такую акцию не совершишь. Рачительный хозяин, Сталин сумел сохранить и увеличить золотой запас страны, который к моменту выхода постановления составлял 2500 тонн, что и явилось прочной основой для принятия важнейшего решения.

Могущественный и самоуверенный Уинстон Черчилль, узнав о свершившемся, воскликнул в сильном волнении: «Что делает этот дядюшка Джо! Даже я в Бретон-Вуде вынужден был согласиться променять фунт на доллар! Смертный приговор подписал себе дядюшка Джо!» Об этом сообщили Сталину. Он посмеялся и сказал: «Поживем, посмотрим».

Спецслужбам необходимо было преодолеть многослойную систему защиты Сталина, а именно. 1. Надо было внедрить во властные структуры своего крота, а для этого необходимо было дискредитировать его соперников в верхушке СССР. 2. Необходимо было убрать из МГБ опытного сыщика Абакумова и вместо него поставить идиота-непрофессионала. Конечно лучше если бы сразу поставить на МГБ шпиона, но это было мало. 3. Требовалось убрать из МГБ опытных профессионалов сыщиков, заменив их партноменклатурными недоумками. 4. Необходимо было удалить от Сталина его преданного цербера Власика. 5. Надо было заменить руководство Лечсанупра и Министерства здравоохранения. 6. Требовалось убрать от Сталина хорошо зарекомендовавших себя лечащих врачей. 7. Надо было деморализовать опытных врачей Лечсанупра, развернув антисемитскую кампанию. 8. Необходимо было заменить секретаря Сталина Поскрёбышева. 9. Требовалось убрать остатки верных Сталину работников Охраны. 10. Надо было подготовить список врачей, которые бы осуществляли «лечение» Сталина после покушения на него. 11. Необходимо было иметь своих людей не только в верхушке партии и государства, но и среди персонала Ближней дачи, среди врачей, которые начнут Сталина лечить, среди помощников соратников Сталина. К своему удивлению я обнаружил, что все пункты предложенного мною плана выполнены один к одному. Одновременно прояснилась зловещая картина многослойного заговора, который готовился опытной рукой. Опытный кукловод методично и успешно расчищал путь к власти Булганину, который куриро-

вал «органы», последовательно убивая или провоцируя на судебное преследование соратников Сталина и людей его охраны. Интересно, но именно через 2 недели после смерти Сталина Черчилль получил звание рыцаря скорее всего за реализацию плана по убийству Сталина. Иначе очень уж странное совпадение.

Но данная история в первой книге не была закончена — теперь следует объяснить, как и зачем был убран Абакумов и раскрыто «Дело врачей». Отмечу, что здесь я использую в основном документы, найденные Brentom и Наумовым.

ГЛАВА 1. УСТРАНЕНИЕ КОНКУРЕНТОВ

Первым этапом расчистки пространства для карьерного роста крота стало Ленинградское дело, в результате которого были уничтожены такие соперники нашего крота, как Вознесенский и Кузнецов. Об этом я подробно писал в своей книге «Сталинский порядок». Далее следовало убрать Жданова, который к середине 1948 года выдвинулся на третью роль в партии после Сталина и Молотова. Его власть ограничивалась партийными структурами. Жданов отвечал за культуру и идеологию. Кроме того он курировал вопросы взаимоотношения компартий. После войны в советской иерархии фигурой Жданов стал весьма и весьма значимой, соперничал за аппаратное влияние с Маленковым. Некоторые русские националисты считают, что Жданов был главным покровителем «русской партии». На государственном уровне главным союзником Жданова был Николай Вознесенский, член Политбюро, председатель Госплана и первый заместитель Председателя Совета Министров СССР. Не забудем, что именно Жданов поддержал перевод Кузнецова, Вознесенского и других членов ленинградской группы на руководящую работу в Москву. Думаю, что Сталин готовил Жданова в качестве преемника.

Что касается смерти Жданова, то на ней следует остановиться подробнее, так как через 4,5 года она обернулась «Делом врачей» и кампанией антисемитизма. Обстоятельства последних дней жизни А.А.Жданова остаются и сегодня не очень понятными. И опять в умы обывателей настойчиво внедряется мысль, что летом 1948 г. Жданов попал в опалу к Сталину. Мол, с одной стороны, одной из причин опалы Жданова могла стать его неудача с ведением дел Ко-

минформа. Коминформ, не успев родиться, дал серьезную трещину — от него откололись югославские коммунисты во главе с Тито. Поэтому, мол, Сталин расценил результаты работы Коминформа в июне 1948 года как неудачные и решил заменить Жданова Маленковым.

Кроме того, когда на заседании политбюро 31 мая — 1 июня 1948 г. вопрос о присуждении Сталинских премий, Сталин подверг резкой критике деятельность Юрия Жданова. Сталину не понравилось, что Ю.Жданов выступил с лекцией против академика Лысенко. «У нас в партии личных взглядов и личных точек зрения нет, — заявил Сталин, — а есть взгляды партии. ... Ю.Жданов поставил своей целью разгромить и уничтожить Лысенко. Это не правильно. ... Лысенко — это Мичурин в агротехнике. ... Лысенко имеет недостатки и ошибки как ученый и человек, но ставить своей задачей уничтожить Лысенко как ученого — это лить воду на мельницу разных жебраков». Всё это, дескать, и привело к тому, что Сталина задумал убрать Жданова. Но!!! Сталин никогда не смешивал дело и личность. Думаю, что дело тут в конфликте с Югославией (см. Приложение 1).

Что случилось на Валдае?

Что же произошло на Валдае (так сокращенно называлась Валдайская возвышенность на севере Калининской области, между Москвой и Ленинградом)? Дело было так. 1 июля 1948 года «ввиду расширения работы ЦК» был восстановлен в должности Секретаря ЦК Г. Маленков. А через пять дней Политбюро приняло решение отправить с 10 июля Жданова в двухмесячный отпуск «согласно заключению врачей». Он и в самом деле серьезно страдал от тяжелого атеросклеротического изменения сосудов сердца и стенокардии. Жданов отправился в отпуск отдыхать в правительственный санаторий (или, по другим описаниям, на

дачу), расположенный на Валдае, где находились на озере Селигер несколько правительственных санаториев.

Брент и Наумов настаивают, что причина, по которой Жданов не поехал на юг, мол, в том, что у Жданова провинился сын, выступивший с докладом, который содержал критику академика Лысенко. Будто бы лечивший Жданова академик АМН СССР Виноградов услышал от Егорова, что тяжелая работа свалилась на нас, судьба Жданова predetermined. Но эта фраза могла иметь медицинское значение. Более того, людям с гипертонией и проблемами с сердцем Юг противопоказан, особенно летом.

23 июля Жданов имел телефонный разговор с заведомом агитации и пропаганды ЦК Д. Шепиловым. О чем партийные лидеры говорили, точно неизвестно, но ночью после беседы у Жданова появились сильные боли в сердце. Из-за болей в сердца он даже не смог закончить разговор. После этого у него случился приступ стенокардии.

В санаторий «Валдай» вылетела из Москвы бригада врачей Кремля — профессора В. Виноградов и В. Василенко и начальник Лечсанупра Кремля генерал-профессор П. Егоров. Было проведено обследование. В том числе была сделана ЭКГ. Электрокардиографическое исследование выполнила врач Карпай. В консилиуме участвовали также лечащий врач Жданова Г. Майоров и доктор С. Крапай, прекрасный интерпретатор кардиограмм. Врачи зафиксировали у пациента застарелый кардиосклероз и приступ сердечной астмы. Карпай не нашла инфаркта у Жданова.

25 июля Карпай сняла ЭКГ и обнаружила блокаду левого пучка Гисса, а не инфаркт. ЭКГ не имела абсолютно типичных признаков свежего инфаркта, однако, несмотря на это, Жданова лечили как будто у него инфаркт. Потом, будучи уже под арестом, во время очной ставки с Виноградовым Карпай заявила: «Электрокардиограмма, снятая мною у больного ЖДАНОВА 25 июля 1948 года, указывала на внутрисердечную блокаду. На вопрос, есть ли здесь

инфаркт, я ответила, что хотя нет типичных признаков свежего инфаркта миокарда, но исключить его нельзя. Клиника, я считаю, тоже не была абсолютно типичной для свежего инфаркта, однако, как я помню, консилиум решил вести больного как инфарктного. 31 июля 1948 года я опять снимала электрокардиограмму у А.А.ЖДАНОВА, на которой были те же признаки, что и на предыдущих. 7 августа 1948 г. я вновь сняла электрокардиограмму у А.А. ЖДАНОВА. Эта электрокардиограмма отличалась от предыдущих, внутрижелудочковая блокада исчезла. Возник вопрос: есть свежий инфаркт или нет? Я сказала, что признаков свежего инфаркта миокарда нет, что у больного А. А. ЖДАНОВА имеется кардиосклероз, хроническая коронарная недостаточность, а также прогрессирующий, стенозирующий атеросклероз коронарных сосудов и ишемия миокарда. Кроме того, я сказала, что на основании всей картины можно думать о наличии у больного мелких очагов некроза. Такое заключение мною было дано устно 7 августа 1948 года в Валдае...»

31 июля Карпай снова сняла ЭКГ и к своему удивлению обнаружила, что блокада исчезла. Она подумала, что у больного маленький очажок некроза. Жданову прописали абсолютный постельный режим в течение 2 недель. 7 августа 1948 года Софья Карпай сняла Жданову новую электрокардиограмму и уехала в отпуск 7 августа Карпай была направлена в отпуск и никто из электракардиографистов ее не заменил. Станным является тот факт, что ее заявления на отпуск в архивах не найдено. Жданова лечили, назначив строжайший постельный режим и обычные при этом лекарства. После пары недель он стал чувствовать себя лучше и постельный режим отменили. Ухудшения состояния не было. Вплоть до 28 августа Жданову кардиограммы больше не снимали.

В течение этих 22 дней Жданову был предписан активный режим; уход за ним был небрежным; персональный

врач Майоров уезжал на рыбалку; у Жданова были повторяющиеся приступы цианоза (синюшности кожи) на лице и удушье. Однако это не отражалось в медицинских записях; медсестры ночью не оказывали больному помощи и спали. В дневниках истории болезни Жданова написано, что с 18 по 30 августа его состояние стабилизировалось. Ему даже планировалось с 1 сентября разрешить поездки на машине, а 9 сентября обещали поставить вопрос о визите в Москву.

25 августа у Жданова во время его прогулки по парку был обнаружен цианоз губ и затруднение дыхания (одышка), но его лечащий врач находился на рыбалке и его не смогли найти. ЭКГ не сняли, так как не было специалиста. Итак, почти еженедельно Жданову снимали кардиограммы и никаких следов инфаркта до 27 августа у него не было. Поэтому в процесс лечения они не стали вносить серьезных изменений. Брент и Наумов пишут, что у Жданова не было болевого синдрома, характерного для инфаркта миокарда. Скорее всего, лечащий врач (Г. Майоров) и приглашенные профессора не слишком умели читать данные, получаемые со сравнительно нового и сложного для него прибора и полностью доверились Карпай. Жданову был назначен традиционный лечебный массаж.

Что делала у Жданова Тимашук?

27 августа у Жданова случился новый сердечный приступ, видимо, с болевым компонентом. По распоряжению начальника Лечсанупра профессора П.И. Егорова сам П. Егоров, В. Виноградов и В. Василенко вновь вылетели в «Валдай». Но на этот раз в роли кардиографа при них была не доктор Карпай, ушедшая в августе в очередной отпуск (будто бы Карпай тогда находилась в отпуске на юге, хотя документально это не подтверждено. Вообще странно, Карпай отказывается обследовать члена ПБ Жданова из-за какого-то отпуска), а заменившая ее сравнительно

молодой врач, специалист по расшифровке электрокардиограмм Лидия Тимашук, которая заведовала кабинетом электрокардиографии в Кремлевской больнице на ул. Грановского. По рассказам Лидии Феодосьевны, ее в три часа ночи вызвали на службу и вместе с консультантами — академиком В.Н. Виноградовым и профессором В.Х. Василенко она срочно вылетела на Валдай, где находился заболевший секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Жданов. В 7-30 утром 28 августа Тимашук прибыла на Валдай.

Около полудня 28 августа Тимашук сняла у Жданова ЭКГ и поставила диагноз: инфаркт миокарда, а точнее признаки инфаркта в передней стенке левого желудочка и внутрижелудочкового блока, то есть блокады левой ветви пучка Гисса (пучок особых мышечных клеток, по которому возбуждение доводится до собственно сократительных мышечных клеток сердца). Но П.И. Егоров и лечащий врач, между прочим, заслуженный врач РСФСР Г.И. Майоров с ней не согласились. Они считали, что никакого, де, инфаркта нет, а имеется «функциональное расстройство на почве склероза и гипертонической болезни». Авторитетный консилиум осмотрел пациента, и коллегиально пришел к выводу, что ничего страшного нет, и, рекомендовал продолжить назначенное лечение. Скорее всего, знаменитые профессора не очень-то умели читать тогдашнюю новинку — электрокардиограмму. Во всяком случае, троица консультантов поставила ему старый диагноз: «Функциональное расстройство на почве склероза и гипертонической болезни». Консультанты В.Н. Виноградов и В.Х. Василенко поддержали «осторожный» диагноз. Не хотели отказываться от сложившегося у старцев авторитетного мнения... Маститые консультанты не желали менять свое авторитетное мнение в угоду какой-то выскочке с ее странными закорючками на бумажных лентах, выскакивавших из прибора. Но более молодая специалистка, Лидия Тимашук, взглядываясь в записи при-

бора, констатировала у больного «инфаркт миокарда с об-
ласти передней стенки левого желудочка».

Тимашук свидетельствовала в своих письмах и показа-
ниях, что доктора предложили ей переписать ее медицин-
ское заключение, не указывая диагноз инфаркт миокар-
да. Тимашук было предложено изменить заключение, «на-
писать осторожно», как это сделала врач С.Е. Карпай, при
расшифровке на предыдущей ЭКГ. Консилиум настойчиво
рекомендовал Тимашук не указывать диагноз инфаркт. Она
сослалась на то, что у нее нет чистого бланка для этого.
Егоров нашел ей бланк. Но вместо переписывания заклю-
чения, как требовали доктора, она написала «см. преды-
дущие ЭКГ». Они, по сути, заставили ее переписать заклю-
чение в соответствии с ранее поставленным ими диагно-
зом («функциональное расстройство на почве склероза и
гипертонии»). Вечером она вернулась домой. Вечером 28
августа Егоров вылетел домой, так как, по его словам, он
принимал у себя в гостях министра здравоохранения СССР
Смирнова с женой.

Арестованный в 1953 г врач-терапевт Майоров на од-
ном из допросов показал: «Вместе с Егоровым (начальник
Лечсанупра Кремля. — С.М.), Виноградовым, Василенко 28
августа прилетела Тимашук. Проведя электрокардиографи-
ческие исследования, Тимашук сообщила мне, что она счи-
тает, что у Жданова инфаркт. Я ответил, что, согласно кли-
ническим данным, непохоже. . . Однако она продолжала
утверждать, что у Жданова все-таки инфаркт. Это озадачи-
ло не только меня, но и Егорова, Виноградова, Василенко...
Все четверо единодушно пришли к выводу, что Тимашук не
права, и диагноз инфаркта миокарда не подтвердили, про-
должая лечить Жданова от прежнего заболевания. Однако
она продолжала отстаивать свою точку зрения, потребова-
ла строгого постельного режима для больного. По каким-
то причинам (см. ниже — С.М.) 29 августа она написала жа-
лобу на имя начальника Главного управления охраны МГБ

СССР Н.С. Власика, в которой сообщила о своих разногласиях в оценке состояния здоровья Жданова».

Жданов и его находившаяся на Валдае жена вроде бы успокоились. И все бы ничего, но время шло к обеду и, по словам сына Тимашук, после консилиума семья Ждановых пригласила всех медработников не на банкет, а просто в столовую пообедать. Был накрыт стол, естественно, как было заведено в семье Жданова, с выпивкой. Тимашук там, как сообщает сын, не присутствовала, но она рассказывала, что стол был с выпивкой. Академики отобедали с женой партийного секретаря, «сняли напряжение», шутили...

Вдруг на трапезе появилась Тимашук, которая расшифровала кардиограмму и поставила диагноз — «инфаркт миокарда». Когда зашел спор о диагнозе, слова Тимашук о том, что у Жданова инфаркт, видимо, услышала жена Жданова, которая была мягко говоря — «в недоумении». При таком диагнозе нужно что-то делать, а не трапезничать! Однако в своем письме Кузнецову Тимашук категорически отрицает, что она говорила с членами семьи Жданова о его неправильном лечении. Возможно, содержание письма сообщил жене Жданова, остроуту языка которой знал даже Сталин, начальник охраны Жданова Белов, которому Тимашук до этого сообщила о своем письме. Жена Жданова сразу обратилась к врачам, произошел тяжелый разговор. Затем Тимашук улетела в Москву. Как рассказал сын Тимашук, она вернулась домой в полной растерянности и, конечно, сразу начала рассказывать, что с ней произошло.

Когда больной 29 августа встал, у него вновь развился тяжелый сердечный приступ. Тимашук снова вызвали на Валдаи. Там уже находились Виноградов, Егоров, Василенко и Майоров. Однако сделать кардиограмму в этот день ей не позволили по распоряжению П. И. Егорова. Исследование перенесли на следующий день. Более того, Егоров (начальник Лечсанупра) в категорической форме вновь потребовал от Тимашук переписать предыдущее (вчерашнее)

заключение. Она вновь не подчинилась, будучи уверена в правильности своего диагноза, тем более, что больному становилось хуже. Возникает вопрос, почему Тимашук не позволили снова снять ЭКГ 29 августа? Тогда Тимашук написала своё знаменитое письмо.

Сигнал Тимашук

Первый и очевидный вопрос — а не является ли письмо Тимашук подделкой? Вряд ли. Тимашук о нем пишет в своих последующих письмах. Тимашук написала свое письмо 29 августа, когда Егоров и Виноградов сказали ей, что лучше с ЭКГ погодить до следующего дня. Она посчитала это подтверждением того, что они не дают ей подтвердить свой диагноз. Она сказала о своих подозрениях начальнику охраны Жданова майору А. М. Белову. Белов предложил ей написать обо всем генералу Власику. Тимашук передала письмо Белову. 29 августа Тимашук послала письмо вместе с копией ЭКГ. В письме много грамматических ошибок, зачеркиваний. 30 августа она сняла ещё одну ЭКГ и она убедилась ещё больше, что у Жданова инфаркт. Но доктора снова потребовали не писать об этом в заключении.

Тимашук не могла сказать, когда случился инфаркт, но настаивала, что он не старше одного месяца. Она снимала ЭКГ у Жданова в 1946 и 47 гг. и не обнаружила тогда инфаркта. Будто бы Тимашук помнила ЭКГ Жданова, которые она снимала в 1941 г. 1946 г. 1947 г. Тогда больные с инфарктом лечились строгим постельным режимом. 4,5 — 6 месяцев. На этот раз Жданову не был назначен абсолютный постельный режим.

Требует объяснений еще один факт. Как в такой суете (на государственной даче?) Тимашук находит где-то фотоаппарат и снимает фотокопию кардиограммы. (Саму кардиограмму она приложила к записке). Как это понять? Возникает мысль — а не стоял ли кто-то за этими событиями «в тени»? Кто помогал (или руководил?) Тимашук? Тот факт,

что у Тимашук оказался фотоаппарата, говорит что она готовилась. Она его, видимо, захватила дома.

30 августа сестры поведали Тимашук, что Жданову разрешили ходить, даже смотреть кино. Тимашук узнала от медсестры, что у Жданова цианоз губ, но когда сестра хотела немедленно позвать лечащего врача, Жданов не разрешил того тревожить, так как тот уехал на рыбалку. 31 августа в 4 часа утра Жданов умер. Ему было только 52 года. На фоне массы негативных фактов в истории его лечения, письма Тимашук и участия его жены странная смерть члена Политбюро должна была закончиться расследованием.

Таких писем в органы в то время поступало великое множество и ничего зазорного в доносительстве не было. Ведь не считают же себя доносчиками американцы, сообщающие в налоговые инспекции об уклонениях от налогов. Да, и дальше ничего бы не произошло. Ну, выгнали с работы, и что? Но так получилось, что это письмо сделало потом Тимашук всемирно известным персонажем истории Государства Российского.

30 августа министр госбезопасности Абакумов будто бы отослал Сталину заявление Тимашук, отметив в сопроводительном письме: «как видно из заявления Тимашук, последняя настаивает на своем заключении, что у товарища Жданова инфаркт миокарда... в то время как начальник Лечсанупра Кремля Егоров и академик Виноградов предложили ей переделать заключение, не указывая на инфаркт миокарда». Анализ содержания письма, проведенный Ю.Мухиным, убедительно доказывает, что это очередная фальшивка демократов.

Н. С. Власик, начальник охраны Сталина, генерал-лейтенант, начальник Главного управления охраны МГБ пишет в своих воспоминаниях: «После смерти т. Жданова медсестра Кремлевской больницы Тимашук опротестовала диагноз врачей, лечивших Жданова, о чем было доложено на Политбюро начальником Санитарного управления Крем-